

ЮЛИЯ НИКОЛАЕВНА КРАСНИКОВА

доктор исторических наук, доцент кафедры истории для преподавания на естественных и гуманитарных факультетах
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-1883-1553; julia2404@mail.ru

МЕЖДУ КАФЕДРОЙ И ЭКСПЕДИЦИЕЙ: ЗАБЫТЫЙ ЭТАП ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Н. И. ВАВИЛОВА В ЛЕНИНГРАДСКОМ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОМ ИНСТИТУТЕ

А н н о т а ц и я . Рассматривается малоизученный период профессиональной карьеры Н. И. Вавилова, связанный с его работой в Петроградском (Ленинградском) сельскохозяйственном институте в 1920–1930-х годах. На основе анализа архивных материалов, мемуарных источников (включая свидетельства коллег, студентов и личные записи Вавилова) проведена реконструкция его десятилетней деятельности в институте. В начале 1920-х годов Вавилов активно упоминал преподавательскую работу в институте и связанные с ней планы в корреспонденции и биографии. Однако в более поздних автобиографических текстах и воспоминаниях данный период подвергается последовательному исключению из личной наррации. Дисбаланс между академической и административной нагрузкой, частые экспедиции и командировки вносили ограничения в эффективность управления кафедрой и генетической станцией. Длительные отсутствия Вавилова на рабочем месте провоцировали рост недовольства среди сотрудников. Анализ документов выявляет и нарастающий конфликт между Вавиловым и администрацией института, связанный с его стремлением к автономии в организации научных исследований. Данное противостояние стало катализатором участия ученого в реорганизации учреждений аграрного образования Петрограда, а также привело к институциональному обособлению генетической станции. Период работы Вавилова в Ленинградском сельскохозяйственном институте отражает ключевые вызовы организации науки в условиях трансформации общества. Изучение этого этапа важно для понимания механизмов адаптации ученых к меняющимся институциональным рамкам, а также роли личности в преодолении системных ограничений. Исследование вносит вклад в изучение административно-педагогической деятельности Вавилова, раскрывая механизмы взаимодействия научного сообщества и образовательных институтов в раннесоветский период.
К л ю ч е в ы е с л о в а : Н. И. Вавилов, Ленинградский сельскохозяйственный институт, генетическая станция, опытный участок, Детское Село, ученый, генетик, заведующий отделом селекции

Д л я ц и т и р о в а н и я : Красникова Ю. Н. Между кафедрой и экспедицией: забытый этап деятельности Н. И. Вавилова в Ленинградском сельскохозяйственном институте // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 4. С. 112–120. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1190

ВВЕДЕНИЕ

Николай Иванович Вавилов (1887–1943) – крупнейший и общепризнанный ученый, чьи междисциплинарные исследования в области генетики, географии, систематики и физиологии растений определили новые векторы развития биологической науки¹. Несмотря на обширную историографию, посвященную биографии ученого [2], [3], [6], [7], [12], отдельные ее аспекты остаются недостаточно изученными. К их числу относится период его деятельности в Петроградском (Ленинградском) сельскохозяйственном институте (ЛСХИ) в 1920–1930-х годах, который в трудах самого ученого и современной исторической литературе репрезентирован фрагментарно.

Анализ личной переписки Вавилова 1920–1930-х годов, а также официальных документов, направленных в Академию наук, демонстрирует минимальное упоминание его работы в ЛСХИ, несмотря на длительное совмещение административных и академических позиций в данном учреждении. Даже в автобиографических материалах этот период сводится к лаконичным формулировкам, что контрастирует с детализацией других этапов его карьеры. Подобная лакуна в саморепрезентации ученого требует интерпретации в контексте институциональных и личностных факторов [9], [10], [11], [13].

Источниковой базой исследования стали документы, хранящиеся в Центральном государ-

ственном архиве Санкт-Петербурга (ЦГА СПб) и Санкт-Петербургском филиале архива Российской Академии наук (СПбФ АРАН), и более тысячи страниц личной переписки Вавилова, которая была опубликована Институтом истории естествознания и техники РАН СССР в 1980 году. Были привлечены воспоминания коллег и студентов, связанные с его работой в ЛСХИ.

Еще в 1911 году в письме к Р. Э. Регелю молодой ученый Николай Вавилов, выпускник Московского сельскохозяйственного института, просил разрешить стажировку в Бюро прикладной ботаники. Он объяснял, что, несмотря на год работы на селекционной станции, чувствует недостаток знаний в области систематики и географии культурных растений и хотел бы изучить методы работы Бюро – единственного в России учреждения, специализирующегося на систематике растений; сосредоточиться на исследовании злаков: анализировать литературу, коллекции образцов, учиться их классифицировать и получить доступ к уникальной научной библиотеке. Вавилов подчеркивал, что постарается не мешать сотрудникам в их работе и самостоятельно обеспечит себя оборудованием (лупа, микроскоп) [8: 18]. Уже на раннем этапе карьеры прослеживался его интерес к масштабным исследованиям, которые позже сделали его основоположником учения о центрах происхождения культурных растений (1926) и совершили переворот в селекции, дав СССР инструмент для создания устойчивых сортов пшеницы, ржи и других культур.

В 1917 году Николай Иванович отмечал проблему доступа советских ученых к иностранной литературе. Даже заказанные ранее журналы, такие как американские ботанические издания, задерживались на год и более, а их доставка оставалась хаотичной. Ситуация усугубилась после введения экономической блокады: с ее началом поступление английских и американских научных журналов в СССР практически прекратилось. Особое значение для Вавилова имел американский журнал «Genetics», который начал выходить в тот период [8: 22]. Для исследователей вроде Вавилова, чьи работы опирались на мировые тенденции в генетике и селекции, отсутствие доступа к актуальным статьям становилось серьезным препятствием. Однако даже в таких условиях ученые искали обходные пути: через личные контакты, участие в конференциях и неофициальные каналы они стремились сохранить связь с глобальным академическим сообществом, понимая, что изоляция грозит необратимым отставанием.

1920-е годы стали золотым десятилетием для советской генетики. Молодая страна, пережившая революцию и Гражданскую войну, вопреки разрухе инвестировала в фундаментальные исследования. Власти видели в науке ключ к преодолению отсталости, и аграрный сектор как основа экономики оказался в фокусе внимания. Вавилов активно участвовал в международных конгрессах, а его работы цитировались в Европе и США. В 1921 году Николай Иванович отправился в командировку в США для участия в международном сельскохозяйственном конгрессе, а также посетил ряд стран Западной Европы. В США он как научный консультант активно включился в работу с Министерством торговли и промышленности Вашингтона, помогая решать вопросы импорта семян в СССР. Это сотрудничество стало критически важным после масштабного неурожая 1921 года, когда страна остро нуждалась в восстановлении аграрного сектора². В 1927 году на V Международном генетическом конгрессе в Берлине он представил доклад о законе гомологических рядов, вызвавший сенсацию. Это было частью общей стратегии: через научные достижения укрепить авторитет страны.

РАБОТА Н. И. ВАВИЛОВА В АГРОНОМИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ (ПОЗЖЕ ЛСХИ)

Переезд в Петроград

Ленинградский период карьеры Вавилова напрямую связан с началом работы на кафедре генетики и селекции Агрономического института. В 1920 году он познакомился с ректором Петроградского агрономического института Ильей Львовичем Джандиери, который предложил возглавить кафедру генетики и селекции растений, а также организовать при ней две опытные станции – генетическую и селекционную. Осенью того же года Вавилов приехал в Петроград, чтобы лично оценить возможности для реализации проекта. После революции институт унаследовал огромный хозяйственный комплекс и обширные территории: парки, оранжереи, здания, включая так называемый Федоровский городок, все то, что раньше находилось в ведении дворцового хозяйства [13: 47].

Уже 25 ноября 1920 года, в соответствии с выпиской из журнала заседания Совета Агрономического института о выборах по сельскохозяйственному факультету, Вавилова единогласно избрали по конкурсу профессором кафедры генетики и селекции. Все 26 членов Совета проголосовали «за»³. Это решение выглядело необычно, так как Вавилов был новым человеком в коллективе института и единственным кандидатом,

получившим столь единодушную поддержку. Видимо, сказалась личная протекция ректора института.

После назначения Николай Иванович начал активно формировать команду для работы на новой кафедре. Он предложил переехать в Петроград коллегам из Саратова, с которыми сотрудничал ранее, но не ограничился этим [1: 159–160]. Сохранившаяся переписка свидетельствует, что ученый рассылал индивидуальные приглашения специалистам по всей стране, демонстрируя прагматичный и индивидуальный подход к подбору кадров.

В декабре 1920 года Вавилов занял пост заместителя председателя президиума Научно-исследовательского отдела Агрономического института. Возглавил президиум С. М. Вислоух – профессор и проректор института, который с 1918 года вел курс гидробиологии и систематики низших растений, а также руководил Детско-сельской гидробиологической станцией. Одной из ключевых задач отдела стала организация 11 научных учреждений, включая генетическую станцию, созданную специально для Вавилова⁴.

Для ее укомплектования Николаю Ивановичу разрешили перевести из Саратова 27 сотрудников⁵. Работая в Саратовском сельскохозяйственном институте (ныне – СГАУ им. Н. И. Вавилова), Вавилов совершил прорывное открытие – закон гомологических рядов в наследственной изменчивости, который стал фундаментом для развития генетики и селекции. В Саратове он положил начало коллекции семян, которая позже трансформировалась в крупнейший в мире генный банк растений. Приглашение в Петроград сотрудников его прежней научной группы позволило сохранить преемственность исследований и усилить потенциал новой станции.

Генетическая станция первоначально разместилась в зданиях Федоровского городка, переданных институту. Несмотря на недостаточное освещение помещений, каждый сотрудник получил отдельный кабинет. Прибывшие из Саратова ученые отмечали, что имеющихся шкафов и полок хватало для хранения привезенных семян и материалов. Однако вскоре Вавилов инициировал дооснащение станции: он требовал от руководства передать мебель (столы, стеллажи, шкафы) из многочисленных неиспользуемых помещений института [14: 30].

Николай Иванович, видимо, чувствуя ответственность за коллег, переехавших из Саратова, стремился обеспечить им комфортные условия. Он разместил их вблизи генетической станции

в Детском Селе, однако это решение вызвало напряженность. Местные сотрудники Агрономического института восприняли такое распределение как ущемление своих интересов. Конфликт обострился в 1921 году, когда Вавилов находился в длительной командировке в США. По воспоминаниям Е. Н. Синской⁶ (в будущем выдающегося ботаника-систематика), сотрудники института стали «сильно теснить нас с квартирами» [14: 38]. Недовольство выражали и местные сотрудники отдела прикладной ботаники: «Петроградские сотрудники угрюмы⁷, не очень общительны, в СХИ народ лучше, но только бояться, что мы их вытесним» [14: 30].

Стремление Вавилова поддержать свою команду, хотя и мотивированное заботой, выявило системные проблемы в интеграции научных коллективов. Ограниченные ресурсы и конкуренция за них стали катализатором конфликтов, отразивших сложности формирования единой исследовательской среды.

Отделение генетической станции от института

Вавилов с большим энтузиазмом приступил к организации генетической станции, однако его планы осложнились длительной командировкой в США для участия в международном конгрессе. Совмещать зарубежные поездки с руководством кафедрой генетики и селекции в Агрономическом институте, а также организацией работы станции оказалось крайне сложно. В письме к А. М. Левшину от мая 1922 года Вавилов признавался: «В Питере еще не все устроилось, так как 8 месяцев ушло на границу», подчеркивая, что продолжительное отсутствие замедлило развитие проектов [8: 49].

Во время своих частых отъездов Вавилов передавал управленческие обязанности коллегам. Основная нагрузка легла на Сергея Михайловича Букасова – будущего академика, специалиста по селекции и систематике картофеля. Именно он читал лекции по селекции вместо Вавилова и решал текущие вопросы на генетической станции. Поддержку также оказывали О. В. Якушкина, коллега из Саратовского сельскохозяйственного института, и К. М. Чинго-Чингас, который на тот момент совмещал должности ассистента Отдела прикладной ботаники и селекции и кафедры селекции ПСХИ (впоследствии – ведущий эксперт по хлебопекарным качествам зерна) [14: 37]. Однако частые командировки Николая Ивановича затрудняли координацию работы. По словам ректора института И. Л. Джандиери, к середине 1922 года Вавилов «ни разу или один раз» присутствовал на заседаниях Ученого совета, где

принимались ключевые решения по развитию станции⁸.

Постепенно Николай Иванович стал тяготиться университетской подведомственностью. Его не устраивала необходимость согласовывать каждое решение с ректоратом, а также постоянное вмешательство руководства в работу. Стремясь защитить автономию своих проектов, в июле 1922 года он подготовил официальный документ «Меморандум заведующего кафедрой генетики Н. И. Вавилова ректору Агрономического института», где потребовал пересмотреть отношение к генетической станции. Встречается точка зрения, что целью этого шага было формальное обоснование автономии станции. Вавилов стремился преобразовать ее в независимое научное учреждение, для чего вывел территории и помещения станции из-под контроля института. Примечательно, что руководство вуза не было официально уведомлено об этих изменениях, что позже стало причиной конфликта [10: 16].

Предвидя сопротивление, Вавилов заручился поддержкой Наркомзема. По решению ведомства и Всероссийского съезда по опытному делу в 1922 году была создана Центральная опытная станция прикладной ботаники и селекции. Вся инфраструктура генетической станции была выведена из собственности ЛСХИ и передана станции прикладной ботаники и селекции, что, по мнению Николая Ивановича, должно было снять финансовую нагрузку с института и устранить бюрократические «недоразумения, возникающие постоянно при оплате служащих генетической станции»⁹.

Меморандум Вавилова, занимавшего должность заведующего кафедрой селекции, представляет собой уникальный исторический документ. На его полях сохранились пометы ректора института И. Л. Джандиери, который, не будучи посвящен в планы Вавилова, выразил недоумение. В заключительной части документа он оставил резюмирующую запись: «К делу, как курьезнейший документ»¹⁰, что отражало его растерянность и несогласие с действиями ученого.

Отделение генетической станции от института стало для Вавилова вынужденной мерой. Он стремился сосредоточить управление в своих руках, чтобы избежать бюрократических проволочек, хотя это противоречило интересам его собственной кафедры. Николай Иванович считал, что развитие станции в рамках института невозможно из-за необходимости постоянных согласований, которые тормозили исследования. Его решение было направлено на создание неза-

висимой структуры, способной оперативно реагировать на научные вызовы.

Процесс отделения генетической станции от Агрономического института стал для Вавилова эмоционально сложным и напряженным периодом, что ярко отразилось в его личной переписке. В июне 1922 года Николай Иванович писал Гали Михайловне Поповой – своей бывшей студентке, а позже сотруднику кафедры селекции и семеноводства Среднеазиатского государственного университета в Ташкенте [5] о получении собственной станции в Царском Селе и ее выходе из-под контроля института [8: 52]. В том же месяце в письме к С. И. Жегалову, профессору ТСХА, он подчеркивал, что теперь располагает участком и зданиями бывшей усадьбы великого князя Бориса Владимировича, где планирует организовать независимую станцию прикладной ботаники и селекции [8: 49]. Вавилов не скрывал удовлетворения от достигнутой автономии. В переписке с П. П. Подъяпольским и В. Е. Писаревым он метафорично называл этот процесс «завоеванием усадьбы», что говорило как о трудностях, так и значимости события [8: 51, 85].

Чтобы не лишать институт и кафедру опытного участка, Николай Иванович в июле 1923 года представил записку в правление института с предложением о реорганизации генетической станции. Он предложил преобразовать крупное подразделение в компактное «селекционное поле» при кафедре селекции, сократив штат до минимально необходимого: помощник, он же заместитель директора станции, один ассистент по станции, один научный сотрудник первого разряда, один лаборант, два техника, два рабочих и четыре годовых практиканта¹¹.

Вавилов настаивал, что полная оплата персонала опытного участка должна вестись из бюджета института, чтобы сотрудникам не приходилось совмещать, как они делали до этого. При этом сохранялась связь нового участка с Центральной опытной станцией прикладной ботаники и селекции, которая обладала значительными ресурсами:

«...даже самое проведение собственно учебной работы возможно только при значительном использовании ресурсов отдела прикладной ботаники с его большими материалами, с его большой библиотекой и учебным, и исследовательским оборудованием»¹².

Деятельность на опытном участке кафедры селекции ЛСХИ в 1923 году осуществлялась ее сотрудниками. Для учебных целей было высажено около трех тысяч образцов сельскохозяйственных культур, включая пшеницу, овес, ячмень, рожь,

бобовые и корнеплоды. Совместно со студентами проводились исследования по сравнительному анализу сортов льна, а также работы по селекции многолетних кормовых трав. С весны 1923 года начали совместно со студентами проводить исследования генетики ячменей и скрещивания сортов. Для удобства учебного процесса на территории опытного поля оборудовали аудиторию и специализированное помещение для лекций и практических занятий. Однако, как отмечал Вавилов в отчете, участок требовал срочных улучшений: проведения мелиоративных работ, строительства изгороди и вегетационного домика. Кроме того, выделенное финансирование оказалось недостаточным для полноценной реализации всех научных и образовательных задач [8: 137–138].

Реорганизация аграрных вузов

Отделение станции прикладной ботаники и селекции происходило в период масштабной реорганизации аграрного образования Петрограда. Осенью 1922 года три учебных заведения – Петроградский агрономический институт, Стебутовские и Каменноостровские высшие сельскохозяйственные курсы – объединились в Петроградский сельскохозяйственный институт, который, по воспоминаниям современников, стал «гигантским по тем временам вузом» [15: 177]. Вавилов, участвовавший в процессе объединения как консультант, в письме к Н. М. Тулайкову (в будущем – академику АН СССР и ВАСХ-НИЛ) в августе 1922 года отмечал, что потратил несколько месяцев на совещания и встречи, отвлекаясь от научной деятельности. Он с сожалением писал, что «души к этому делу нет», подчеркивая желание вернуться к исследованиям [8: 58]. Административная нагрузка, связанная с реорганизацией, осложняла работу Вавилова, однако его усилия способствовали созданию новой образовательной структуры, в рамках которой позже развивались ключевые проекты советской аграрной науки.

В целом Вавилов оценивал объединение позитивно, видя перспективы развития научной школы на Северо-Западе не хуже, чем в Петровской сельскохозяйственной академии (ныне Московская сельскохозяйственная академия имени К. А. Тимирязева). Положительно оценивал и кадровые назначения: новым ректором стал К. Д. Глинка, а руководителем зоотехнической станции и соответствующего факультета Е. Ф. Лискун. «Из наиболее болезненных операций было устранение Ильи Львовича [Джандиери]», который был заменен не только на посту ректора ЛСХИ, но и во главе зоотехнической

станции и факультета [8: 70–71]. Как отмечал Вавилов, это решение было необходимым, хотя и непростым шагом в условиях трансформации института.

В результате объединения Петроградский сельскохозяйственный институт перевели в бывшее Царское Село, чтобы централизовать ресурсы и инфраструктуру. Реорганизация затронула и кафедру: шел масштабный ремонт помещений, обновлялись кабинеты, создавались новые учебные аудитории. Эти преобразования вдохновляли Николая Ивановича, видевшего в них возможность для роста научного потенциала [8: 71]. В ноябре 1922 года в письме Н. М. Тулайкову он отмечал первые достижения: в домах сотрудников установили центральное отопление, а также запустили работу новых научных отделений. Особое внимание он уделял успехам в энтомологии, рыбоводстве, почвоведении и растениеводстве. Налаживание связей со школами и улучшение условий постепенно смягчали сопротивление реформе среди части коллектива: «...есть недовольные (реформой), но они сходят на нет» [8: 79].

В декабре этого же года в письме к В. Е. Писареву Николай Иванович подчеркивал, что «весь ареопаг» старого Агрономического института – ключевые руководители – был заменен, что символизировало обновление системы [8: 84–85]. Тогда же окончательно определилась судьба генетической станции: ее интегрировали в отдел прикладной ботаники, оставив лишь небольшой опытный участок для исследований.

Реорганизация аграрного образования Петрограда в 1922 году, объединившая три учебных заведения в Петроградский сельскохозяйственный институт, стала ключевым шагом для укрепления научного потенциала советской аграрной науки. Вавилов, несмотря на административные сложности и отрыв от исследований, сыграл важную роль в этом процессе, поддержав кадровые изменения и модернизацию инфраструктуры, включая перенос института в Царское Село.

Преподавательская работа в ЛСХИ

Вавилов, читавший студентам курс «Основы селекции», из-за колоссальной административной нагрузки редко появлялся в институте. В 1925 году в письме к Константину Ивановичу Пангалю, заведующему Туркестанским отделением Отдела прикладной ботаники, он сетовал, что административная работа «отнимает у каждого из нас 9/10 времени» [8: 194–195]. Так, в 1922 году Вавилов задумал подготовить и издать курс лекций по селекции. Для записи материалов его секретарь Н. М. Шаллерт

стенографировала выступления прямо во время занятий [15: 177]. Однако даже это не помогло ученому завершить работу над проектом. В марте 1923 года, когда А. А. Ячевский предложил Вавилу прочесть курс по иммунитету и селекции на фитопатологических курсах сельскохозяйственного Ученого комитета, Вавилов просил отложить до Пасхи, так как курс по селекции еще не был готов [8: 104].

Работа продвигалась медленно не только из-за занятости, но и из-за стремления ученого к идеалу. В письме к К. И. Пангалю в январе 1923 года Вавилов отмечает среди прочего: «Пишу понемногу курс селекции, но им не очень доволен» [8: 95]. К июню 1923 года текст все еще не был готов [8: 121]. В апреле 1926 года в письме к Г. С. Зайцеву в Ташкент ученый еще не терял надежды завершить работу над курсом лекций по селекции [8: 274], а в январе 1928 года в письме в издательство «Новая деревня» констатировал, что «курс селекции мною до октября месяца не будет представлен» [8: 319]. Теоретические основы селекции растений вышли в свет только в 1935 году.

Работа на кафедре, руководство преподавательским составом и проведение занятий требовали постоянного присутствия, однако в 1920-е годы Вавилов находился в почти непрерывных разъездах – научных экспедициях и командировках. Частые отъезды и отсутствие на кафедре провоцировали лишние разговоры и пересуды, ведь заработную плату Вавилов получал, как и все. Администрация института неоднократно инициировала проверки кафедры, отмечая длительное отсутствие не только Вавилова, но и других сотрудников, которые также были заняты в экспедициях. Так, в 1925 году во время очередной проверки выяснилось, что «один в Малой Азии, другой в Мексике, третий в Воронеже, четвертый на Кавказе, Матвейч [Чинго-Чингас] ушел в мельничные дела, Голубев перегружен» [8: 245].

Во время своих отъездов Вавилов старался минимизировать неудобства, назначая ответственных за кафедру и селекционное поле. Так, в 1926 году, готовясь к экспедиции в Северную Африку, он официально передал полномочия Н. П. Голубеву, В. Е. Писареву и К. М. Чинго-Чингасу, поручив последнему принимать экзамены [8: 256]. Однако даже эти меры не решали системных проблем. В письме к Л. И. Говорову¹³ Вавилов признавал, что кафедральные дела следовало привести в порядок, «курсанты недовольны» [8: 251]. Активная научная деятельность Вавилова хотя и укрепляла престиж института, создавала внутренние противоречия. Баланс между экспедициями, административ-

ными обязанностями и преподаванием оставался сложной задачей.

Ситуация повторилась и в 1928 году, когда в ЛСХИ инициировали специальную комиссию, состоявшую из студентов, правления и администрации института, по вопросу организации занятий кафедрой. Выяснилось, что большинство сотрудников кафедры не присутствовали на рабочих местах, а были в отъездах. В силу этого занятия не проводились или проводились, по мнению комиссии, ненадлежащим образом. Сам Вавилов критически оценивал качество преподавания, отмечая, например, что И. Д. Шиманович путал термины «поленикум» и «монококкум» – важные понятия в ботанике.

В феврале 1928 года Вавилов в письме к Л. И. Говорову, которому передал полномочия по регулированию учебного процесса, ставил в вину плохо организованные занятия:

«Передавая Вам все полномочия по занятиям, которые важнее лекций, я рассчитывал и рассчитываю, что честь кафедры не будет умалена. В настоящее время мы в полном смысле этого слова спустились на дно морское. Это очень неприятно. Мы можем вести занятия, даже уделяя не так много времени, не хуже, чем любая кафедра».

Он просил Леонида Ипатьевича самого прочесть курс, чтобы «реабилитироваться... Мы и по существу и из долга приличия должны поставить кафедру на должную высоту» [8: 254–255]. Однако это был не первый случай недобросовестности Говорова. Еще в 1926 году Николай Иванович писал:

«Надо приводить в порядок отделения; не говорю уже о кафедральных делах. Подвели Вы нас с курсом техники и селекции, заболел вдобавок Писарев не вовремя; курсанты недовольны. Все это уроки для будущего, которые надо учитывать» [8: 251].

Примечательно, что оба письма адресовались в Каменную степь (Воронежская область), где Л. И. Говоров с 1923 года руководил Степной опытной станцией, параллельно занимая другие должности. Такая нагрузка мешала ему эффективно контролировать учебный процесс в ЛСХИ.

Несмотря на колоссальную занятость, Николай Иванович находил время для преподавания. Его лекции, которые он читал студентам эпизодически, оставляли неизгладимое впечатление – слушатели вспоминали их с восхищением. Вавилов ценил живой диалог с аудиторией, считая, что преподавание обогащает и самого педагога. Он поощрял вопросы, превращая занятия в дискуссии, и даже приезжал на лекции поздно вечером, уставший после заседаний, «запахавшийся» от других дел, но полный энтузиазма [4: 217–218].

Однако административная нагрузка неумолимо росла. В 1928 году в письме М. Е. Шефлеру в Тимирязевскую сельскохозяйственную академию ученый признавался:

«Я лично настолько перегружен обязанностями, что совесть не позволяет даже думать о какой-нибудь дополнительной обязанности. До сих пор я еще продолжаю быть двойным директором: директором Института опытной агрономии и Института прикладной ботаники, не говоря уже о своей исследовательской работе. С трудом выполняю обязанности по кафедре селекции в Ленинградском сельскохозяйственном институте» [8: 352].

Это противоречие между научной страстью и бюрократической рутинной стало лейтмотивом его жизни. Даже в условиях хронической усталости Вавилов стремился сохранить связь с учебным процессом, видя в нем не долг, но творческий диалог с будущим поколением ученых.

Лекции по Общей селекции Николай Иванович читал модулем за пару встреч, сосредоточившись на ключевых темах. Остальную часть учебной нагрузки брали на себя сотрудники Всесоюзного института растениеводства (ВИР) или коллеги по кафедре. Курс, который занимал 45 часов, «он прочитывал его за 8–10 лекций, а то и меньше, давая почти ежедневно 4–6-часовые лекции» [4: 217].

Вавилов использовал много демонстрационного материала: таблицы, карты с центрами происхождения культурных растений, фотографии. Особенно яркими были занятия, которые он проводил сразу после возвращения из научных поездок: студенты погружались в мир ботаники через живые впечатления ученого.

Николай Иванович считал важным изучение первоисточников, по его инициативе при кафедре образовалась секция селекции, где студенты выступали с обзорами прочитанных книг. Книги студенты брали в библиотеке ЛСХИ или специально доставляли из фондов Детскосельской опытной станции ВИР. К 1929 году кафедра располагала современной инфраструктурой: собственной библиотекой, фотолабораторией, микроскопами, фотоаппаратами и эпидиаскопом для демонстрации материалов.

Руководство кафедрой в институте Николай Иванович осуществлял до 1927 года. Лектором на кафедре селекции ЛСХИ оставался до 1930 года [4: 216]. После его ухода институт начал масштабную реорганизацию, разделившись на узкоспециализированные отраслевые учреждения.

ВЫВОДЫ

Период работы Вавилова в ЛСХИ отражает ключевые вызовы организации науки в услови-

ях трансформации общества. Изучение этого этапа важно для понимания механизмов адаптации ученых к меняющимся институциональным рамкам, а также роли личности в преодолении системных ограничений: конфликта автономии и контроля, дисбаланса между исследовательскими и административными задачами.

Николай Иванович с энтузиазмом принял предложение ректора Петроградского агрономического института И. Л. Джандиери возглавить создание кафедры генетики и генетической станции. Однако со временем бюрократические ограничения и зависимость от административных решений стали препятствием для его научной независимости. Это вылилось в открытый конфликт с руководством, участие в реорганизации аграрных учебных заведений и окончательное отделение генетической станции от института.

Совмещение множества должностей и частые экспедиции мешали Вавилову эффективно управлять кафедрой. Чрезмерные институциональные требования препятствовали реализации исследовательского потенциала выдающегося ученого. Его длительные отсутствия вызывали недовольство коллег, а учебные обязанности часто делегировались сотрудникам, чья квалификация не всегда соответствовала требованиям. При этом лекции самого Вавилова восхищали студентов: они отмечали глубину знаний, умение увлечь аудиторию и новаторский подход. Несмотря на фрагментарный характер преподавательской деятельности, лекции Вавилова сохраняли высокий научный уровень, что подтверждается отзывами слушателей, отмечавших эвристическую ценность занятий и их роль в формировании исследовательских компетенций.

Сожалел ли Вавилов о переезде в Петроград? Нет. В письмах он подчеркивал: «Научная работа здесь продуктивнее, чем где-либо в России. В Москве слишком много суеты, пустых разговоров. Я – патриот Петрограда и Царского Села». Однако институтская рутина отвлекала его от глобальных исследований, а конфликты создавали эмоциональное напряжение. Вероятно, именно это стало причиной того, что в поздних работах и воспоминаниях Вавилов редко упоминал период работы в ЛСХИ.

Дальнейшее изучение архивных материалов может уточнить роль данного периода в формировании управленческих принципов Вавилова. Это направление актуально для понимания взаимодействия науки и институциональных структур в условиях раннесоветской модернизации.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 11. Д. 65. Л. 1.
- ² СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 11. Д. 65. Л. 8.
- ³ ЦГА СПб. Ф. 2996. Оп. 1. Д. 2260. Л. 54.
- ⁴ ЦГА СПб. Ф. 2996. Оп. 1. Д. 2331. Л. 2–2 об.
- ⁵ ЦГА СПб. Ф. 2996. Оп. 1. Д. 2487. Л. 23–23 об.
- ⁶ Е. Н. Синская оставит работу в ВИР после ареста Вавилова и продолжит научную карьеру в ЛСХИ. Сначала она преподавала ботанику, а с 1941 года возглавила кафедру селекции и семеноводства, сохраняя связь с наследием Вавилова.
- ⁷ Имеются в виду сотрудники отдела прикладной ботаники.
- ⁸ ЦГА СПб. Ф. 2996. Оп. 1. Д. 2987. Л. 23–26.
- ⁹ ЦГА СПб. Ф. 2996. Оп. 1. Д. 2987. Л. 23–26.
- ¹⁰ ЦГА СПб. Ф. 2996. Оп. 1. Д. 2987. Л. 26.
- ¹¹ ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 1. Д. 379. Л. 75–76.
- ¹² ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 1. Д. 379. Л. 76.
- ¹³ В 1934 году на заседании Президиума ВАСХНИЛ без защиты диссертации утвержден в степени доктора биологических и сельскохозяйственных наук по разделу систематики и селекции культурных растений. Профессор Ленинградского СХИ, где читал курсы растениеводства и селекции, с 1939 года зав. кафедрой селекции. Также с 1939 года профессор кафедры генетики растений Ленинградского университета. Арестован 15 февраля 1941 года. Военная коллегия Верховного суда СССР 9 июля 1941 года приговорила его к ВМН по обвинению в участии в контрреволюционной террористической организации. Расстрелян 28 июля 1941 года на полигоне «Коммунарка». По другим данным, умер в тюрьме 13 января 1943 года. Реабилитирован в 1956 году.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Букасов С. М. Широкая программа работ // Николай Иванович Вавилов: Очерки, воспоминания, материалы / [АН СССР]; Отв. ред. С. Р. Микулинский; [Примеч. В. Д. Есакова, Е. С. Левина]. М.: Наука, 1987. С. 159–161.
2. Голубев А. В. Развитие творческого наследия Н. И. Вавилова в Саратовской государственной академии имени Н. И. Вавилова // Доклады ТСХА. Вып. 270. М., 1999. С. 8–19.
3. Есаков В. Д. Николай Иванович Вавилов: страницы биографии. М.: Институт российской истории РАН, 2008. 280 с.
4. Кудрявцева В. В. На кафедре селекции и генетики ЛСХИ // Николай Иванович Вавилов: Очерки, воспоминания, материалы / [АН СССР]; Отв. ред. С. Р. Микулинский; [Примеч. В. Д. Есакова, Е. С. Левина]. М.: Наука, 1987. С. 216–219.
5. Кутузова С. Н., Трускинов Э. В., Вишнякова М. А., Попова Гали Михайловна // Соратники Николая Ивановича Вавилова: исследователи генофонда растений. СПб.: Федеральный исследовательский центр Всероссийский институт генетических ресурсов растений им. Н. И. Вавилова, 2017. С. 446–450.
6. Левин В. И. Н. И. Вавилов – гениальный ученый и организатор науки // Ректор вуза. Пенза: Пензенский гос. технолог. ун-т, 2024. № 1. С. 50–58.
7. Леонова Н. А. Николай Иванович Вавилов – великий ботаник, генетик, исследователь // Сборник статей Международной научно-практической конференции, посвященной 136-летию со дня рождения академика Н. И. Вавилова. Саратов: Саратовский гос. ун-т генетики, биотехнологии и инженерии имени Н. И. Вавилова, 2023. С. 406–411.
8. Николай Иванович Вавилов: из эпистолярного наследия, 1911–1928 гг. / [Вступ. ст. Д. К. Беляева, С. Р. Микулинского; Коммент. В. Д. Есакова]. М.: Наука, 1980. Т. 5. 427 с.
9. Ольховский Е. Р. Навстречу юбилеям. СПб.: Соларт, 2004. 344 с.
10. Пыженков В. И. Николай Иванович Вавилов – ботаник, академик, гражданин мира. М.: Самообразование, 2009. 135 с.
11. Пыженков В. И. Н. И. Вавилов – человек, ученый, организатор и руководитель кафедры генетики и селекции Санкт-Петербургского государственного аграрного университета (СПбГАУ): Докл., посвящ. 100-летию юбилею СПбГАУ. СПб.: СПбГАУ, 2004. 46 с.
12. Резник С. Е. Эта короткая жизнь. Николай Вавилов и его время. М.: Захаров, 2017. 1056 с.
13. Санкт-Петербургский государственный аграрный университет: 120 лет достижений и открытий / В. Ю. Морозов и др.; Науч. ред. Н. М. Нарыкова. СПб.; Белгород: СПбГАУ: Константа, 2024. 252 с.
14. Синская Е. Н. Воспоминания о Н. И. Вавиллове. Киев: Наукова думка, 1991. 203 с.
15. Федотов В. С. Широта охвата фактов // Николай Иванович Вавилов: Очерки, воспоминания, материалы / [АН СССР]; Отв. ред. С. Р. Микулинский; [Примеч. В. Д. Есакова, Е. С. Левина]. М.: Наука, 1987. С. 177–184.

Yulia N. Krasnikova, Dr. Sc. (History), Associate Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)
 ORCID 0000-0002-1883-1553; julia2404@mail.ru

BETWEEN DEPARTMENT AND EXPEDITION: THE OVERLOOKED PERIOD OF N. I. VAVILOV'S WORK AT LENINGRAD AGRICULTURAL INSTITUTE

Abstract. The article deals with the little-studied period in the professional career of Nikolai Ivanovich Vavilov focusing on his work at Petrograd (Leningrad) Agricultural Institute during the 1920s and 1930s. The reconstruction of a decade of his professional activity in this institution was carried out based on the analysis of archival materials, memoir sources (including testimonies of colleagues and students and Vavilov's personal records). In the early 1920s, Vavilov frequently mentioned his teaching role at the Institute and related plans in his correspondence and biography. However, in later autobiographical texts and memoirs, this period is consistently excluded from his personal narrative. The imbalance between academic and administrative responsibilities, frequent expeditions and work trips limited his effectiveness in managing both the Leningrad Agricultural Institute department and the genetic station. Vavilov's prolonged absence from his workplace provoked growing discontent among the Institute staff. The analysis of the documents reveals an escalating conflict between Vavilov and the Institute administration, related to his pursuit of autonomy in organizing scientific research. This confrontation catalyzed the scientist's participation in the reorganization of agricultural education institutions in Petrograd, and also led to the institutional isolation of the genetic station. The period of Vavilov's work at Leningrad Agricultural Institute reflects the key challenges of science organization in the context of the society transformation. Studying this period is important for understanding the mechanisms used by scientists for adjusting to changing institutional frameworks, as well as the role of personality in overcoming systemic constraints. The research contributes to the study of Vavilov's administrative and educational activities, revealing the mechanisms of interaction between the scientific community and educational institutions in the early Soviet period.

Keywords: N. I. Vavilov, Leningrad Agricultural Institute, genetic station, experimental plot, Detskoe Selo, scientist, geneticist, head of the selection department

For citation: Krasnikova, Yu. N. Between department and expedition: the overlooked period of N. I. Vavilov's work at Leningrad Agricultural Institute. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(4):112–120. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1190

REFERENCES

1. Bukasov, S. M. A broad program of works. *Nikolai Ivanovich Vavilov: Essays, memoirs, materials*. (S. R. Mikulinsky, Ed.). Moscow, 1987. P. 159–161. (In Russ.)
2. Golubev, A. V. Development of the creative heritage of N. I. Vavilov at Saratov State Academy named after N. I. Vavilov. *Reports of the Timiryazev Agricultural Academy*. Issue 270. Moscow, 1999. P. 8–19. (In Russ.)
3. Esakov, V. D. Nikolai Ivanovich Vavilov: pages of biography. Moscow, 2008. 280 p. (In Russ.)
4. Kudryavtseva, V. V. At the Department of Breeding and Genetics of Leningrad Agricultural Institute. *Nikolai Ivanovich Vavilov: Essays, memoirs, materials*. (S. R. Mikulinsky, Ed.). Moscow, 1987. P. 216–219. (In Russ.)
5. Kutuzova, S. N., Truskinov, E. V., Vishnyakova, M. A. Popova Gali Mikhailovna. *Associates of Nikolai Ivanovich Vavilov: researchers of the plant gene pool*. St. Petersburg, 2017. P. 446–450. (In Russ.)
6. Levin, V. I. N. I. Vavilov, a brilliant scientist and organizer of science. *University Rector*. 2024;1:50–58. (In Russ.)
7. Leonova, N. A. Nikolai Ivanovich Vavilov, a great botanist, geneticist, and researcher. *Proceedings of the International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 136th Anniversary of Academician N. I. Vavilov*. Saratov, 2023. P. 406–411. (In Russ.)
8. Nikolai Ivanovich Vavilov: excerpts from his epistolary heritage, 1911–1928. Moscow, 1980. Vol. 5. 427 p. (In Russ.)
9. Olkhovskiy, E. R. Towards the anniversaries. St. Petersburg, 2004. 344 p. (In Russ.)
10. Pyzhenkov, V. I. Nikolai Ivanovich Vavilov, a botanist, academician, and citizen of the world. Moscow, 2009. 135 p. (In Russ.)
11. Pyzhenkov, V. I. N. I. Vavilov – a man, scientist, organizer and the head of the Department of Genetics and Breeding of Saint Petersburg State Agrarian University (SPbSAU): A report dedicated to the 100th anniversary of SPbSAU. St. Petersburg, 2004. 46 p. (In Russ.)
12. Reznik, S. E. This short life. Nikolay Vavilov and his time. Moscow, 2017. 1056 p. (In Russ.)
13. Saint Petersburg State Agrarian University: 120 years of achievements and discoveries. St. Petersburg; Belgorod, 2024. 252 p. (In Russ.)
14. Sinskaya, E. N. Memories of N. I. Vavilov. Kyiv, 1991. 203 p. (In Russ.)
15. Fedotov, V. S. Breadth of coverage of facts. *Nikolai Ivanovich Vavilov: essays, memoirs, materials*. Moscow, 1987. P. 177–184. (In Russ.)

Received: 9 January 2025; accepted: 3 March 2025